

Глядя на то, как Сун Чэн медленно поджимает губы, Цинь Унянь не знает, куда себя деть: не отступить, не пройти вперед, не стоять, не сидеть.

С тех пор как Сун Чэн вернулся, это стало повторяться с пугающей частотой. Цинь Унянь вечно чувствует себя виноватым, хотя, если попросить его объяснить в чем именно он провинился, он искренне считает себя правым.

Тогда они расстались на редкость безобразно, и нынешняя реакция Сун Чэня еще вполне естественна. Но сам Сун Чэн... он держался так непринужденно, словно четырех лет разлуки было достаточно, чтобы сгладить все трещины и выбоины между ними.

Впрочем, если подумать, для Сун Чэня и четыре года — это слишком много. Возможно, уже через месяц или два после их расставания он полностью пришел в себя. В конце концов, с точки зрения Сун Чэня, он потерял лишь запасной вариант да половину партнера для постели. Сожаления, конечно, были искренними, но предложить что-то большее он уже не мог.

Цинь Унянь молчал, Сун Чэн тоже хранил молчание. Прошло много-много времени, прежде чем Цинь Унянь повернулся и направился в ванную. Сун Чэн проводил взглядом его погруженную в глубокое молчание спину и медленно опустил глаза.

Режиссер сидел в мониторной вместе с Гань Явэнем, внимательно наблюдая за происходящим во всех четырех комнатах.

Стоило паре бывших супругов войти внутрь, как Лю Жосы тут же занял самую большую комнату и захлопнул дверь, нимало не заботясь о том, что думает оставшийся снаружи Лю Яньчу. Посмотрев на плотно закрытую дверь, Лю Яньчу потер нос и действительно прилег на кровать, решив вздремнуть после обеда.

Пара друзей только что шумно повздорила, и теперь, даже заметив в углах комнаты камеры, они совершенно не желали играть на публику. Они расселись по разным сторонам, словно между ними пролегла глубокая пропасть, и каждая занялась своими делами, полностью игнорируя друг друга.

В группе бывших любовников атмосфера царила на редкость мирная: Сун Юй помогал Юэ Южаню искать что-нибудь, что можно постелить на пол. Они работали и болтали одновременно, и со стороны казалось, будто они не бывшие возлюбленные, а давние, добрые друзья.

По логике вещей, режиссер должен был сосредоточиться именно на этой группе, но ему было не до них. Всё его внимание, как и внимание Гань Явэня, было приковано к экранам пары с туманным прошлым.

Едва опустившись на кровать, Цинь Унянь закрыл глаза. Во взгляде Цинь Уняня всегда сквозила прохлада, а слегка раскосые уголки глаз придавали ему опасный вид — с таким

лучше не связываться. Даже сейчас, с закрытыми глазами, он не растерчал своей суровой отстраненности, хотя до того, чтобы вызывать у кого-то умиление, ему было далеко.

Цинь Унянь уединился в ванной, а Сун Чэн остался сидеть снаружи. Проведя рукой, он разгладил складки на покрывале у ног. Покрывало было шелковым, и его пальцы медленно скользили по гладкой ткани, но на лице застыло непонятное, тревожное выражение.

Словно дурная весть, ждавшая своего часа долгие-долгие годы, наконец-то обернулась реальностью. Сун Чэн неторопливо лег на бок на другой стороне кровати, спиной к камере. Широко открытыми глазами он уставился в пустоту, и на его лице постепенно проступило выражение полной растерянности.

Подразумевалось, что он тоже готовился спать на полу.

Кто-то мог бы подумать, что тогдашняя злость Цинь Уняня объяснялась тем, что внезапное появление Сун Чэня перед камерой доставило ему лишних хлопот. Но режиссер придерживался иного мнения. Он был женат почти тридцать лет, и стоило ему совершить какую-нибудь глупость, как жена принималась отчитывать его по полной программе, а доведенная до белого каления, даже хватала метелку из перьев, чтобы отходить его.

Сун Чэн улыбнулся ему: — Я не ответил тебе сразу, так что восполняю этот пробел.

Провозившись добрых минут пятнадцать, Цинь Унянь наконец вышел из ванной. Заметив сидевшего на краешке кровати Сун Чэня, он на мгновение замер, а затем принялся закатывать рукава.

— Нет, я не настолько самовлюблен и не считаю, будто ты до сих пор меня любишь. Раз ни у кого из нас нет подобных мыслей, то делить одну кровать на двоих — совершенно нормально. Я прав?

Но режиссер вспомнил гулявшее по сети видео с провальным стримом, когда Цинь Унянь наотмашь бросил в сердцах одно-единственное слово, обращаясь к Сун Чэню. Именно это слово заставило режиссера принять окончательное решение и пойти ва-банк.

Цинь Унянь уловил некие перемены в отношении Сун Чэня к себе. Нахмурившись и помолчав пару секунд, он опустил взгляд: — Как знаешь.

Но теперь-то ему следовало призадуматься! Первый раз можно было сделать вид, что ничего не услышал, второй — продолжать делать хорошую мину при плохой игре, но на третий раз приходилось смотреть правде в глаза.

Цинь Унянь: — ...

Он не помнил, где жил прежде и чем занимался. Очнувшись в больнице и обнаружив дневник вперемешку с фотографиями Цинь Уняня, он уподобился зимующей перелетной птице: заприметив цель, он изо всех сил замахал крыльями, стремясь к теплу. О том, что долететь может и не получиться, или что на месте окажется вовсе не так тепло, как казалось, он даже не задумывался.

Сун Чэн поднял глаза: — Не хочу.

Лицо режиссера буквально сияло. Что такое буря перед затишьем? Вот она! Как же он был прав, когда в одно мгновение решился подписать контракт с Цинь Унянем и Сун Чэнем! Инвестор у шоу был не он один, и остальные поначалу категорически противились их участию, опасаясь, что последующие повороты скандала бросят тень на всех причастных.

— Сегодня ты спишь на кровати.

Бросив это, Цинь Унянь направился к шкафу в поисках запасного одеяла. Но едва он распахнул створку, как за спиной раздался голос Сун Чэня: — Не буду.

И вы называете это хлопотами? О нет, это чистая любовь!

Режиссер еще не знал, какие сюрпризы это решение преподнесет шоу, но сейчас он страстно желал лишь одного: чтобы эти сюрпризы проявились как можно скорее.

Время послеобеденного отдыха было долгим. Телефоны еще не вернули, телевизора в комнате не наблюдалось, если не считать пары книг. Но изображать из себя умудренного мудреца Цинь Уняню сейчас не хотелось, а потому, захлопнув дверцу шкафа, он обошел кровать с другой стороны, скинул обувь и чинно вытянулся поверх покрывала.

Наблюдая за притворившимся спящим Цинь Унянем, Сун Чэн живо вспомнил то тяжелое падение в груди, когда тот засыпал его вопросами.

Цинь Унянь повернул голову, явно не понимая его слов: — Ты что, хочешь спать на полу?

Куда же ему тогда податься?

Съемки шоу продлятся всего десять дней. А что потом? Куда лететь дальше, когда эта декада останется позади?

В раздумьях он сам не заметил, как смежил веки. Сун Чэн всегда засыпал мгновенно, обладая железобетонным качеством сна: ему хватало и полчаса, чтобы полностью восстановить силы.

Из восьми участников спали пятеро, но по-настоящему погрузился в сон лишь беззаботный Сун

Чэн.Цинь Унянь закрыл глаза, но мысли в его голове могли бы утопить его триста раз подряд. Больше не вытерпев, он резко распахнул глаза, оглядел незнакомую комнату и тяжело вздохнув, собрался выйти на какое-то время, чтобы прочистить голову.

Приподнявшись, он по привычке бросил взгляд на соседа и заметил, что Сун Чэн по-прежнему лежит к нему спиной. Вот только его руки, прежде расслабленные, теперь были сжаты на груди, а ноги крепко подобраны. Среди лета он спал, свернувшись калачиком, точно креветка. Цинь Унянь слегка замер, затем опустил ноги с кровати и на цыпочках обошел постель со стороны Сун Чэня.

Кто-то говорил, что сон в позе эмбриона — признак отсутствия чувства безопасности.

Если тот чувствует себя настолько незащищенно, то неужели дело в нем?

И если так, то что именно это значит?

Цинь Унянь даже не заметил, как слишком долго разглядывал Сун Чэн — так долго, что даже режиссер, давно переставший следить за ними, обратил на это внимание.

Под прицелом камер Цинь Унянь сделал еще два шага вперед и опустился на колени у края кровати Сун Чэня. Тот оказался заслонен спиной Сун Чэня, из-за чего камера не могла запечатлеть выражение лица Цинь Уняня, и режиссер от досады едва не заколотил себя кулаком в грудь, пообещав сегодня же установить дополнительные камеры во всех комнатах.

Цинь Унянь, разумеется, понятия не имел, что одно его движение подставило под удар всех остальных гостей. Он смотрел на лицо Сун Чэня, а спустя мгновение перевел взгляд на его руки.

Обе руки тот прижал к груди, пальцы были полусогнуты, словно он пытался что-то удержать. Они то и дело подрагивали, сясь сжаться крепче, но в итоге не находили ничего.

Внезапно Сун Чэн нахмурился, и его руки сжались в кулаки с такой силой, что побелели суставы. Боясь, что тот навредит сам себе, Цинь Унянь поспешно окликнул его: — Сун Чэн.

— Сун Чэн, проснись.

Сун Чэн не отреагировал, и Цинь Унянь, встревожившись, протянул руку и слегка тронул его за плечо: — Чэн-чэн.

Услышав это имя, Сун Чэн открыл глаза, но в тот момент он еще не до конца проснулся. Отрешенно глядя перед собой, он даже не заметил лица Цинь Уняня.

В его голосе еще слышался легкий носовой оттенок: — Цинь Унянь?

Цинь Унянь с облегчением выдохнул и кивнул: — Угу, это я, тебе приснился кошмар.

Сун Чэн не стал вставать. Его мысли все еще работали медленно, и он уткнулся лицом в подушку, снова зажмурившись с видом человека, который не прочь продолжить спать.

Тихо пробормотав, он произнес: — Никакой это не кошмар.

В такие моменты Сун Чэн очень напоминал себя школьных времен: любил поваляться в постели, а когда его будили, прилипал к матрасу, как рисовый хлебец, и ни за что не хотел вставать. Если говорить с ним ласково, он начинал намеренно капризничать, пытаясь размягчить Цинь Уняня сладенькими речами.

Раньше Цинь Унянь не умел противостоять ему такому, а теперь и подавно — ведь прошло четыре года, и выработанный когда-то иммунитет давным-давно сошел на нет.

Голос Сун Чэня звучал тихо, и Цинь Унянь тоже понизил голос. И хотя в его тоне все еще сквозила привычная насмешка, сейчас в нем прозвучало нечто странно-нежное: — Если это не кошмар, то кто только что чуть не плакал от страха?

Дыхание Сун Чэня замерло. Помолчав секунду, он чуть повернул голову, приподнял веки и, глядя на сидевшего рядом Цинь Уняня, лениво принялся оправдываться: — Не я. Я не плакал.

Цинь Унянь изогнул брови, явно не разделяя его мнения. Сун Чэн посмотрел на него, снова отвернулся, и из подушки донесся его приглушенный голос: — Правда не кошмар. Просто во сне я видел тебя.

Цинь Унянь: — ...

Его лицо вмиг потемнело, а недавняя мягкость испарилась: — Увидев меня, ты испугался до слез? Сун Чэн, если хочешь меня разозлить, так и скажи.

Сун Чэн пояснил: — Я видел, как ты идешь вперед и удаляешься все дальше. Я изо всех сил пытался догнать тебя, бежал-бежал, а потом у меня выросли крылья, и я превратился в птицу. Я умел летать, но все равно не мог тебя догнать. А потом твоя фигура совсем исчезла, и я заблудился.

Цинь Унянь остолбенел. Он наблюдал, как Сун Чэн садится на кровати и недоуменно встряхивает руками: — Как же у меня затекли руки! Знал бы, что во сне придется так махать крыльями, не напрягался бы.

Цинь Унянь: — ...

Сун Чэн, ничтоже сумняшеся, сел и вдруг с удивлением уставился на Цинь Уняня, замершего в полупоклоне у края постели: — Ты чего в такой позе?

Цинь Унянь молча смотрел на него.

Сун Чэн никогда не знал, что, находясь в полусонном состоянии, он всегда совершает действия на автопилоте, причем говорит исключительно правду. Окончательно проснувшись, если никто не напоминал ему об этом, он начисто забывал все свои слова.

Цинь Унянь никогда не рассказывал об этом Сун Чэню, потому что хотел выкроить для себя маленькие привилегии. Теперь же стало очевидно, что за прошедшие четыре года об этой особенности ему тоже никто не говорил, иначе сейчас он не выглядел бы столь невозмутимым.

Сун Чэн уже забыл только что сказанные слова. Точнее, даже не забыл — просто не придавал им значения. Грань между сном и явью стиралась бесшовно: стоило ему спуститься с кровати, как он позабыл не только о сне, но и обо всем остальном. Подойдя к окну, он бодро вдохнул свежий воздух, а затем повернулся, собираясь заправить постель.

Тут-то Сун Чэн и заметил, что Цинь Унянь до сих пор замер в прежней позе, не двигаясь с места.

Взгляд, которым Сун Чэн одарил Цинь Уняня, стал еще страннее: — Ты что делаешь?

Придя в себя, Цинь Унянь поднялся на ноги: — Ты...

Сун Чэн широко распахнул глаза и вопросительно уставился на него.

Остальные слова застряли у Цинь Уняня в горле.

Прямо сейчас в его душе бушевало цунами — гигантские волны поднимались и не стихали ни на секунду. В его голове внезапно возникла совершенно безумная догадка.

Неужели Сун Чэн, вернувшись в этот раз... неужели...

Неужели он пожалел о прошлом и пришел к нему мириться?!

<http://bllate.org/book/22052/2293158>